

КОРЕЙСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОЛИТИКЕ КОМИНТЕРНА И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОЮЗА ССР (1920 – 1930)

*Сон Ж.Г.
Общероссийское объединение
корейцев
Москва*

Соотношение интернациональных и государственных интересов Союза ССР в деятельности Коминтерна не было стабильным, и на протяжении 1920 – 1930-х годов испытывало значительную динамику. Его общий вектор можно определить как подчинение иностранных компартий большевистской идеологии и оперативному контролю со стороны РКП(б) – ВКП(б). Следуя лексике самих коммунистов, данный процесс соответствовал лозунгам и практике «большевизации».

В книге А.Ю. Ватлина «Коминтерн: идеи, решения, судьбы» впервые представлена в полном объеме деятельность Коминтерна. В исследовании раскрыты роль и место действующих лиц, влиявших на ход и политику Коминтерна. Справедливы выводы автора о том, что в условиях безусловного доминирования российской партии, фракционной борьбы наследников Ленина за власть привело к тому, что иностранные коммунисты, оказавшись заложниками этой борьбы, не смогли противопоставить ей собственное влияние, изменить организационные и идейные устои Московского Интернационала.

Напротив, в нем все более навязывались правила игры, установленные партийной диктатурой в Союзе ССР. Попытка утвердить в ИККИ систему «коллективного руководства» потерпела такой же крах, как и в Политбюро ЦК ВКП(б). Органы Коминтерна активно включились в кампанию травли российских оппозиционеров. Каждая из иностранных компартий должна была изобличать и исключать из своих рядов собственных троцкистов и зиновьевцев [1, с.127], подобной участи не избежала и корейская компартия.

О национально-освободительном движении в Корее, корейском коммунистическом движении, о фракционной борьбе корейских партийных групп, о роли Коминтерна в объединении этих группировок и неоднократных попытках создать единую Компартию Кореи содержится богатый материал в работах Б.Д. Пака [11, 12], однако многие вопросы требуют определенной детализации.

Опубликованные источники свидетельствуют о том, что к концу 1920-х годов активная международная деятельность Коминтерна зачастую осложняла внешнеполитическую ситуацию Союза ССР в отношениях с главными противниками Англией, Японией и другими государствами. В конце 1920-х годов эти противоречия отразились на коминтерновцах, по отношению к ним стали применяться репрессии, при этом режимом И. Сталина не делались различия ни по национальности, ни по званиям и должностям.

Цель данного сообщения заключается в том, чтобы показать на примере деятельности корейских коммунистов противоречивость и несогласованность действий Коминтерна с НКВД СССР.

В первое десятилетие существования советского государства иностранным коммунистическим партиям удавалось удерживать в сфере своего влияния немалую часть рабочего класса европейских стран и завоевать прочные позиции в национально-освободительном движении колониального мира.

Несмотря на кадровые чистки и процесс идеологической унификации, в их руководстве оставалось немало самостоятельно мыслящих лидеров, для которых речь шла не о политической карьере или материальном благополучии, а о служении делу рабочего класса. Для миллионов людей в разных уголках земного шара понятия «Коминтерн» и «Советский Союз» в то время были неотделимы. Марксистский лозунг «У пролетариев нет своего отечества» сменил коммунистический лозунг «Отечество

пролетариев всего мира находится в первой стране, строящей социализм» [1].

По мере установления дипломатических отношений Союза ССР с иностранными государствами менялось отношение Кремля к коминтерновцам. Великобритания стала одиннадцатым государством, установившим дипломатические отношения с СССР. В течение 1924 г. еще столько же государств признали Советский Союз, что позволяло говорить об окончании внешнеполитической блокады страны.

После долгих и тяжелых переговоров с Японией 20 января 1925 г. была подписана Пекинская конвенция об установлении советско-японских дипломатических отношений. Для СССР одним из сложных вопросов было обсуждение статьи 16 в английском договоре, а в Пекинской конвенции – статьи 5.

Заместитель министра НКВД СССР Л.М. Карахан неоднократно докладывал Г.В. Чичерину о трудностях, возникавших в процессе составления 5-ой статьи о пропаганде. Требования японской стороны заключались в том, чтобы не только в переговорном процессе, но и в дальнейшем сотрудничестве участвовали лица, не имеющие отношения к Коминтерну. В частности, Л.М. Карахан отмечает, что японская сторона согласилась на участие в переговорах только тех организаций, которые пользуются финансовой поддержкой правительства, что касается участников, то оставлены только те, кто находится на правительственной службе [8, с. 326].

Претензии японской стороны относились непосредственно к деятельности Коминтерна и требовали прекращения с их стороны антияпонской борьбы. Решение этого пункта договора привело советских дипломатов к следующему выводу, что вопрос о взаимоотношениях НКВД с Коминтерном будет неоднократно вызывать трения с другими правительствами, и, очевидно, НКВД придется со всей энергией и

последовательностью отклонять всякую ответственность за деятельность Коминтерна.

Требования Англии в статье 16-й английского договора формулировались в жесткой форме и имели достаточно оснований для протеста против деятельности Коминтерна. При составлении 5-й статьи в японском договоре, советским дипломатам удалось учесть опыт с Англией и обойти острые углы, касающиеся пропаганды коммунистических идей и деятельности Коминтерна [8, с. 326].

После подписания Конвенции японская сторона неоднократно предупреждала НКВД СССР о разрыве дипотношений, если со стороны Союза ССР не будет прекращена антияпонская деятельность.

17 июня 1927 г. японский премьер-министр и министр иностранных дел Г. Танака сделал заявление о советско-японских отношениях [8], в котором отмечается о нарушении советской стороной ст. 5 Пекинской конвенции. Япония была хорошо осведомлена о деятельности китайских, корейских и японских коммунистов, что ими руководит и финансирует Коминтерн.

Активная деятельность корейских коммунистов проявилась в 1926 г., когда в Сеуле была организована Июньская демонстрация. В результате этой непродуманной, по нашему мнению, акции погибли сотни людей. Японской полицией было арестовано более 160 человек, фактически все руководство, вновь избранного ЦК Корейской коммунистической партии (ЦК ККП) и комсомольской организации. Подобные действия являлись побудительным мотивом для заявлений о прекращении дипотношений Японии с Советским Союзом.

Обеспокоенный этим заявлением НКВД СССР 22 июня 1927 г. в срочном порядке составляет инструкцию для полпреда СССР в Японии В.С. Довгалецкого. В пункте 5 инструкции значится: «Подчеркнуть, что советскому правительству неизвестно, чтобы какие-либо частные советские граждане занимались антияпонской деятельностью, однако

советское правительство не могло бы нести ответственность за деятельность частных советских граждан. Что же касается официальных лиц, то они нигде не ведут антияпонской работы. Между тем японская пресса в Маньчжурии, руководимая японскими властями, ведет систематическую борьбу с СССР и его должностными лицами в Китае» [8].

Резкое ухудшение международного положения СССР в 1927 г. началось с событий на Дальнем Востоке, где практически параллельно правительство Гоминьдана начало репрессии против китайских коммунистов и совершило налет на советское посольство в Пекине. 12 мая британская полиция провела обыск в советско-английской торговой фирме АРКОС под традиционным предлогом – поиск подрывной коммунистической литературы.

Реакция Политбюро свидетельствовала о том, что угроза развязывания военного конфликта со стороны Британии была воспринята в Москве самым серьезным образом. Пресса получила указание развернуть кампанию против империалистических поджигателей войны, по всей стране были организованы демонстрации протеста, в советских посольствах за рубежом принялись уничтожать секретные документы. 26 мая, за день до разрыва дипломатических отношений, Политбюро решило эвакуировать персонал дипломатической миссии и торгпредства из Лондона [1, с. 141].

Ответом И. Сталина на создавшуюся критическую ситуацию для Союза ССР в мировом сообществе была телеграмма от 23 июня 1927 года В.Р. Менжинскому. В ней И.Сталин указывает на то, что агенты Лондона сидят глубже, чем ему кажется, и явки у них все же останутся. Повальные аресты, рекомендует он, следует использовать для разрушения шпионских связей, для вербовки новых сотрудников из арестованных по ведомству А.Х. Артузова и для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов. И. Сталин предлагает В.Р. Менжинскому дать один-два показательных процесса по суду по линии английского

шпионажа, дабы иметь официальный материал для использования в Англии и Европе. Далее отмечается, что необходимо обратить особое внимание на шпионаж в военном, авиации, флоте [18, с. 186].

С июня 1927 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ [7, с. 115] право расстреливать во внесудебном порядке бывших белогвардейцев, шпионов и бандитов. По всей стране активно насаждалась шпиономания, нагнетались слухи о неизбежности начала войны. В следственных материалах и приговорах ОГПУ все чаще фигурировали обвинения в шпионаже в пользу таких стран как Англия, Германия, Япония, Польша и др.

Председатель ОГПУ В.Р. Менжинский 19 июля 1927 года выступил с докладом на Политбюро ЦК ВКП(б) «О результатах операции по СССР, произведенной в июне 1927 года». Всего по СССР произведено во время июньской операции до 20 тысяч обысков и арестов. Аресту подвергнуто до девяти тысяч человек. В своем докладе он предложил число расстрелянных ограничить сравнительно небольшой цифрой, передавая дела главных шпионских организаций в гласный суд [7, с. 115].

Кризис в советско-японских отношениях наступил в 1930 г., когда японскими властями в Токио были арестованы лидеры японской Компартии. 19 января 1930 г. Япония выразила протест против связей советского полпредства в Токио с японскими коммунистами и оказания им финансовой помощи Коминтерном. Японской стороной были представлены свидетельства (шифровки, телеграммы) о связях японских коммунистов с Коминтерном, Коммунистическим университетом трудящихся востока (КУТВ), с союзным полпредством в Токио, о получении денежных средств от Коминтерна [8, с. 311 – 318] и т.д.

Ответом на этот протест правительству Японии НКВД СССР 30 января 1930 г. предъявил Ноту об опровержении обвинений в адрес советских представителей о поддержке ими японской компартии [8, с. 319].

В этом документе советским правительством категорически отрицались сведения, сообщенные японским правительством об имевших якобы в 1926 и 1927 гг. место незаконных и идущих вразрез со ст. 5 советско-японского договора действиях со стороны советских властей, и в частности, со стороны бывшего сотрудника полпредства СССР в Токио Я.Д. Янсона и бывшего сотрудника генерального консульства СССР в Шанхае С.Д. Вильде.

Далее указывалось, что союзное правительство не сомневается в правильности сообщенных японским правительством сведений и полагает, что эти сведения основаны либо на сознательном оговоре, либо на недоразумении. Союз ССР заверяет японское правительство, что подвергнет тщательной проверке полученную информацию и в случае, если окажется, что кто-либо из сотрудников советских учреждений повинен в приписываемых ему действиях, то он понесет суровое наказание. Для исключения возможности нарушений ст. 5 советско-японского договора советское правительство принимало и намерено впредь принимать меры и бдительно следить за тем, чтобы никто из лиц, состоящих на службе, не совершал никаких действий, которые явились бы нарушением этих обязательств [8].

Относительно деятельности Коминтерна ответ был стандартный, неоднократно использованный советскими дипломатами в подобных ситуациях: «Советское правительство не может нести ответственность за деятельность находящейся на его территории международной организации совершенно частного характера и поэтому лишено возможности оказывать какое-либо воздействие на деятельность этой организации и ее местных секций» [8, с. 319].

Дипломатические отношения с милитаристской Японией складывались таким образом, что союзное правительство во главе с И. Сталиным и в экономических и в политических вопросах вела соглашательскую политику. Союз ССР прикладывал огромные усилия, идя

на уступки, с целью не провоцировать Японию на международный конфликт, а во внутренней политике эти уступки зеркально отображались в репрессивных акциях.

В июле 1932 г. произошел инцидент, который демонстрирует «открещивание» И. Сталина от каких-либо неудачных операций на стороне сюзеренных государств. По свидетельству начальника ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибаса, агент ОГПУ корейской национальности Ли был схвачен японскими властями во время диверсионного акта на территории Маньчжурии[14, с. 315, 807]. В ходе допросов он сознался, что по заданию Владивостокского ГПУ вместе с другими тремя корейцами намеревался взорвать несколько мостов.

И.В. Сталин, узнав об этой неудачной акции, предложил в письме Л.М. Кагановичу наказать виновников: «Тов. Каганович! Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти? Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие! Поговорите с Молотовым, и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников. Привет! И. Сталин» [6, с. 808].

Японское правительство обратилось с запросом в Наркомат иностранных дел СССР для разъяснений данного факта. В официальном ответе Советского правительства это дело было расценено как провокационное, и выражалась надежда, что «японские власти примут все

меры для выявления тех, кто пытается ухудшить отношения между Японией и СССР» [6, с. 808].

На менталитет коминтерновской номенклатуры в 1920 – 1930-е годы прямое воздействие оказывало наличие внутрипартийных группировок. Их участники сохраняли между собой неформальные связи, переносили их из политики в сферу личных отношений. Представитель той же национальности, член той же компартии был либо ближайшим другом, либо самым опасным врагом – между политическими «землячествами» практически не было нейтральных отношений. Именно между ними курсировал наиболее заметный поток взаимных обвинений и доносов.

Иностранные коммунисты, в том числе и корейцы, в СССР в условиях всесильной карательной системы пытались находить способы индивидуального спасения. Одним из этих способов была игра на опережение, т.е. писались доносы на потенциальных противников [2]. Партийная дисциплина в Коминтерне заключалась в том, что представители иностранных компартий несли полную ответственность за каждого политэмигранта своей национальности. Любые поражения в революционной борьбе в этих странах сказывались на судьбах коминтерновцев.

В ноябре 1928 г. партколлегия Дальневосточной краевой контрольной комиссии исключила из членов ВКП(б) Хана Мен Ше за нарушение решений руководящих партийных органов по вопросу о групповой борьбе. В феврале 1929 г. в газете «Тихоокеанская звезда» было опубликовано открытое письмо Хана о признании своих ошибок, о нарушении партийной дисциплины и просьбой пересмотреть решение партколлегии об исключении его из рядов партии [16]. После этого покаянного письма Далькрайком, объявив строгий выговор с предупреждением, восстановил Хана Мен Ше членом ВКП(б).

Если в конце 1920-х годов самым строгим наказанием для коммунистов было исключение из партии, то к середине 1930-х годов

понимание «социалистической законности» тех лет отождествляло сам факт ареста и признание арестованного виновным. Его догоняло не только исключение из партии, но и волна новых обвинений. Это не оставляло арестованным никаких шансов на самооправдание, значительно облегчая работу следователям НКВД. Все факты из прошлой жизни становились обличительными уликами.

После роспуска корейской компартии в 1928 г. корейцы-коммунисты оказались «коммунистами без партии». Большинство корейцев-коминтерновцев стали невыездными, фактически без партийных билетов. Положение и моральное состояние корейских коммунистов, можно описать словами Пак Динь Шуня из заявления, которое он подал в Восточный секретариат ИККИ с просьбой о переводе в члены ВКП(б): «В результате хронического кризиса в корейском коммунистическом движении многие корейские коммунисты – эмигранты (в том числе и я) – не смогли оформить свое партийное положение в компартии той страны, где они проживают. Лично я до сих пор не мог оформиться в ВКП(б) потому, что я или не имел справки о членстве в ККП, или, когда доставал справку об этом, то распадалась партия в результате раскола» [2].

Для решения этой проблемы была создана комиссия при ЦК ВКП(б) по переводам в ВКП(б) членов из иностранных компартий. Рассмотрев заявление Пак Динь Шуня, из-за просроченных сроков в оформлении в членство, комиссия предложила вступить в партию на общих основаниях. На это предложение реакция коминтерновца Пака была следующей: «Я считаю для себя неприемлемым такое решение, ибо это означает для меня, бывшего члена Исполкома Коминтерна и ЦК ККП, равносильно констатации факта о восстановлении в партии исключенного, или автоматически выбывшего, но я не исключен из Коминтерна и никогда не порывал связи с корейским коммунистическим движением» [2].

В фондах РГАСПИ хранится папка за 1933 г. с личными делами 22 корейцев-коммунистов по переводу в члены ВКП(б) бывших членов ККП

Среди них такие известные корейцы-интернационалисты, как Ким Дань Я, Ким Дя Бом, Ли Бя Гин, Ли Гун, Ти Сан У, Мальцев (Хон До) [19]. Многие из них были переведены в 1928 – 1929 гг. в члены ВКП(б), однако, в результате новых проверок они были исключены из партии. В 1937 – 1938 гг. 10 человек из этого списка были репрессированы [5].

После крупных провалов в Корее Корейской коммунистической партии органами НКВД СССР в 1933 г. были арестованы по обвинению в шпионаже, а затем расстреляны лидеры корейского коммунистического движения Ким Ен Ман, Ким Гю Ер, Ли Сан Хи и Тянь Дин Вон [5].

В 1934 г. в материалах ИККИ с характеристикой лиц, не прошедших проверку, фигурировал Чер Мин как «арестованный соседями» (т. е. НКВД). Он был расстрелян в 1938 г. В спецкартотеке ИККИ на подозрительных лиц за 1934 г. по Корее числилось 59 человек [2, с.35], по нашим данным, выявлены 33 корейца-коминтерновца.

Для коминтерновцев другим способом, выжить в условиях тотальных арестов и слежки, было стремление переждать события подальше от Москвы. Иногда тот, кто потерял работу и лишился средств к существованию, пытался уехать из Москвы, затеряться в российских просторах. Как правило, такие попытки были обречены на провал, уж слишком выделялись иностранцы среди местного населения.

Например, из личного дела Ли Вон Су, хранящегося в архиве Коминтерна [20] известно, что с 1924 по 1936 годы он жил в Москве, работал несколько лет переводчиком в издательстве иностранных рабочих [21]. После увольнения из издательства в 1936 г. с семьей уезжает на Северный Кавказ, где работает рисоводом в корейском колхозе. В 1938 г. на допросах в Управлении НКВД по Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю Ли Вон Су признается, что в Корее будучи участником антияпонского движения был осужден и сидел в тюрьме у японцев. Однако это признание сыграло против него. Он обвиняется как фашист и японский шпион, приговорен к ВМН – расстрелу [22].

Основываясь на принципе «дабы иметь официальный материал для использования...», И. Сталин требовал от своих подчиненных доказательств в шпионаже в пользу той страны, с кем СССР находился на грани войны. С этой целью репрессии были направлены на выявление и осуждение целых групп людей, якобы проводивших контрреволюционные акты против советской власти.

Механизм выявления «врагов народа» действовал в направлении поиска широко разветвленной сети контрреволюционных организаций по всей стране. Среди корейцев обычно эта связь велась с Дальнего Востока на запад в Москву и Ленинград. В то же время, если находили «врагов» в Москве, то в обязательном порядке «кадры актива для подрывной антипартийной фракционной деятельности» находились и на Дальнем Востоке.

В качестве примера приведем следственное дело группы, которую возглавляли Пак Юн Се и Михаил Хан, создавшие якобы сеть нелегальных ячеек фракционной группировки «Эм-Эль-Дан» в Приморье. Они были признаны «агентами японской политической полиции», в задачи которых входили «захват руководства и разложение советских и партийных организаций на Дальнем Востоке» [5]. По этому делу на ДВК были арестованы представители корейской интеллигенции, среди которых значилось 17 учителей и преподавателей корейских учебных заведений [5]. Связи с этой антипартийной контрреволюционной группой выявляются в Москве и Ленинграде. Так, в Москве были арестованы Ян Мен (Ли Канг), Федор Ильич Пак, Александра Хон, в Ленинграде – Ким Мин Ну (Ким Дон Нен), Михаил Васильевич Ким, в Хабаровске – Нам Чору (Нам Иру), Валентин Ким (Серебряков), Федор Борисович Пак.

Судебный процесс состоялся 27 – 30 мая 1936 г., осужденные были приговорены по ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР к различным срокам лишения свободы от трех до восьми лет ИТЛ. Приведем архивные справки на арестованных лиц:

Ян Мен, он же Ли Канг, 1902 г. р., уроженец д. Тон-Енг (Корея), из крестьян-кулаков, образование незаконченное высшее (окончил два курса Пекинского университета), был членом Корейской компартии, на момент ареста – журналист, научный сотрудник при корейском кабинете КУТВ, проживал в г. Москве: ул. М. Бронная, д. 15, кв. 106. Арестован 19 октября 1935 г. по обвинению в том, что «возглавлял подпольную контрреволюционную организацию». По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27 – 30 мая 1936 г. по обвинению по ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР осужден на 8 лет ИТЛ. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 сентября 1956 г. приговор ВК ВС СССР от 27 – 30 мая 1936 г. дело прекращено.

Ким (Серебряков) Валентин Иванович, 1905 г.р., уроженец Владивостока, из крестьян, образование высшее, беспартийный, научный сотрудник КУТВ, проживал в Москве по адресу: Хохловский пер., д. 13, комн. 307. Арестован 19 сентября 1935 г. по обвинению «в причастности к анархо-синдикалистской антипартийной контр- революционной группировке среди корейских комсомольцев». Военной коллегией Верховного Суда СССР 27 – 30 мая 1936 г. по ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР осужден к 5 годам лишения свободы. Реабилитирован 22 сентября 1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Ким Ми Ну, он же Ким Дон Кен (Нен), 1904 г. р., уроженец д. Ку-Рён района Анбен обл. Хамчённамдо (Корея), из крестьян, образование среднее, беспартийный, преподаватель японского языка Института востоковедения, проживал в Ленинграде: ул. Герцена, д. 30, кв. 24. Арестован 19 сентября 1935 г. Военной коллегией верховного суда СССР 27 – 30 мая 1936 г. по обвинению «в причастности к анархо-синдикалистской антипартийной контрреволюционной группировке среди корейских комсомольцев», ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР, осужден к лишению свободы сроком на 6 лет. Реабилитирован 22 сентября 1956 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Нам Чору, он же Нам Иру, 1903 г. р., уроженец г. Кем-Сен-Чук (Корея), из крестьян, образование высшее, член ВКП(б), на момент ареста – преподаватель экономики (ВКСХШ) в г. Хабаровске, проживал в г. Хабаровске по ул. Комсомольская, д. 40. Арестован 5 октября 1935 г. по обвинению в том, что «состоял членом контрреволюционной организации». По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27 – 30 мая 1936 г. по обвинению по ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР осужден к 7 годам ИТЛ. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 сентября

1956 г. приговор ВК ВС СССР от 27 – 30 мая 1936 г. отменен и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Ким Михаил Васильевич, 1907 г. р., уроженец д. Кедровая Падь Владивостокского округа, из крестьян, образование высшее, кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года, аспирант НИИ гидротехники, проживал в Ленинграде, ул. Инструментальная, д. 1а, кв. 4. Арестован 19 сентября 1935 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР по обвинению «в причастности к анархо-синдикалистской антипартийной контрреволюционной группировке среди корейских комсомольцев», ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР, 27 – 30 мая 1936 г. осужден к лишению свободы сроком на 4 года. Вторично арестован в 1939 г., содержался в Норильлаге (г. Норильск, райцентр Дудинка). С 1939 г. в Норильске работал на мерзлотной станции по исследованию устойчивости сооружений, построенных на вечной мерзлоте, инженером, затем руководителем группы, с 1941 г. начальник мерзлотной станции. Реабилитирован 22 сентября 1956 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР.

Хон Александра Михайловна, 1902 г. р., уроженка Посъетского района ДВК Хасанского района Приморского края, из крестьян, образование незаконченное высшее, беспартийная, студентка Московского института востоковедения им. Нариманова, проживала в пос. Алексеевка, студенческий городок, корпус 5, подъезд 8, комн. 23. Арестована 20 октября 1935 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 27 – 30 мая 1936 г. осуждена на 3 года лишения свободы по обвинению «в причастности к анархо-синдикалистской контрреволюционной группировке среди корейских комсомольцев», ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирована 22 сентября 1956 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР.

Вышеприведенные архивные материалы свидетельствуют о том, что арестованные были образованными людьми, среди них преподаватели, журналист, инженер-гидротехник, научный сотрудник, студентка.

Ян Мен (Ли Канг) – известный журналист, его статьи, посвященные тяжелому экономическому положению корейцев в колониальной Корее публиковались во многих журналах того периода [4].

М.В. Ким работал инженером-гидротехником. В Норильлаге стал выдающимся специалистом свайного фундирования на вечной мерзлоте. В будущем его назначат руководителем Норильской комплексной

лаборатории по строительству, он получит Ленинскую премию 1966 года [5].

Закрытые судебные процессы к 1936 г. упростились, руководством страны стали составляться списки граждан, которых необходимо было репрессировать. Расстрельные списки, названные исследователями «Сталинские списки», представляют собой перечни людей, прежде всего, членов ВКП(б), осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным мерам наказания – в подавляющем большинстве к расстрелу.

«Списочный» механизм осуждения применялся наиболее часто в 1936 – 1938 гг. В опубликованных 383 списках содержится 44, 5 тысячи имен. В 27-ми списках выявлены 116 корейцев, арестованных в период с 1 апреля 1937 г. по 12 сентября 1938 г. в следующих регионах Союза ССР: Алтайский, Дальневосточный края, Башкирская АССР, Казахская ССР; Восточно-Сибирская, Иркутская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Оренбургская, Свердловская, Читинская области, Хабаровск – Дальне-Восточная железная дорога.

Четырнадцать Московских списков содержат имена 33 репрессированных корейцев, большинство из них – бывшие члены ВКП(б) и члены ИККИ, активные деятели корейского коммунистического движения [15].

Корейцы в расстрельных списках. Москва

Сталинские списки	Дата расстрела	Ф. И. О.	Мера наказания
Список 113 чел. АП РФ. Ф. 3. Оп. 413. Л.110 - 112	22.11.1937.	Пак Геннадий Петрович, он же Пак Син Гю	1кат. ВМН
»»_»	22.11.1937.	Цой Шен У	1кат. ВМН
Список 270 чел. АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Дело 413. Лист 251 – 260.	07.12.1937.	Ким Чун Сен, он же Ли Сен Тай	1кат. ВМН
»»_»	07.12.1937.	Лин Да Шин	1кат. ВМН

»»_»	07.12.1937.	Хан Николай Еремеевич	1кат. ВМН
Список 86 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 413. Лист 293-296.	13.12.1937	Ой Ян Шин	1кат. ВМН
Список 163 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 414. Лист 3 – 9.	03.01.1938	Те Хун	1кат. ВМН
Список 107 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 414. Лист 220 – 224.	03.02.1938.	Ким Даня	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Ким Чер Сан	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Ли Дзон У	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Лий Дюн Бяк	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Чен Мин, он же Се Чо	1кат. ВМН
Список 156 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 414. Лист 357 – 362.	03.02.1938.	Венков Михаил Кузьмич (он же Тен Кен Чан)	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Пак Николай Афанасьевич	1кат. ВМН
»»_»	03.02.1938.	Юй И (он же Лю Хван Шин)	1кат. ВМН
Список 60 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 415, Лист 5.	05.03.1938.	Пак Дин Шунь Иван Федорович (он же Чу Ну)	1кат. ВМН
»»_»	05.03.1938.	Цзю Петр Антонович	1кат. ВМН
Список 218 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 415. Лист 12 - 19.	05.03.1938.	Шен У Сеп Климентий Петрович	1кат. ВМН
Список 164 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 415. Лист 192 - 197.	28.03.1938.	Восков Анатолий Павлович (он же Лю У Санг)	1кат. ВМН
»»_»	28.03.1938.	Магай Варлаам Иннокентьевич (он же Ма Хен Мен)	1кат. ВМН
Список 327 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 416. Лист 10-17.	19.04.1938.	Е Шин	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Ким Дю Ван	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Ким Дюн-Кимович	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Ким Сугир	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Пак Никифор Александрович	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Пак Сюдинг	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938.	Сун Ян Нин (она же Ким Жен Чи)	1кат. ВМН
»»_»	19.04.1938	Хван То Нюк Константи н Александрович	1кат. ВМН

Список 152 чел. АП РФ. Оп. 24. Д. 417. Лист 191.	10.06.1938.	Ким Ден, она же Ким Денг	1 кат. ВМН
Список 208 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 417. Лист 238 – 245.	20.08.1938.	Ким Де Бом	1 кат. ВМН
»»_»	20.08.1938	Ли Тэ	1 кат. ВМН
Список 340 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 418. Лист 3 - 15.	12.09.1938	Ким Федор Дмитриевич	1 кат. ВМН
Список 66 чел. АП РФ. Оп. 24. Дело 418. Лист 21 – 23.	12.09.1938	Ли Шун Зо	2 кат. ГУЛАГ

Источник: Сталинские списки. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> Дата: 04.06.2009.

Вышеприведенный список наглядно демонстрирует массовость политических репрессий в 1937 – 1938 гг. независимо от национальности, партийной и социальной принадлежности, в их числе и корейцы. Однако, до сих пор мы не находим ответа на вопрос, по какому принципу формировались эти списки в органах госбезопасности и дальнейшие пути прохождения списков и дел в судебных инстанциях.

Требуется отдельного объяснения персональный аспект проблемы, потому что за каждой строчкой списков (фамилия, имя, отчество) стоит конкретная судьба. О некоторых упоминаемых в списках персоналиях можно найти дополнительную информацию в «Книгах памяти жертв политических репрессий», опубликованных в различных регионах России.

Имена корейцев из «сталинских списков» (Москва) помещены в 12-ти книгах-памяти «Корейцы-жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938», где опубликованы их архивные справки о реабилитации на основании Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (26 июня 1992 г. № 3130-1), многие из них были реабилитированы в 1956 г. в период «хрущевской оттепели» (большая часть из них – корейцы-коминтерновцы и партийные лидеры) [5]. К сожалению, архивные справки содержат краткую информацию и не дают полного представления об арестованном человеке.

Коминтерновцы изначально имели свои отличительные черты от советской партийной номенклатуры. В подавляющем большинстве это были проверенные коммунисты, делегированные своими партиями для работы в «генеральном штабе мировой революции».

Характерными чертами их мировоззрения были фанатичная убежденность в правоте коммунистических идей, преданность Советскому Союзу, и в то же время непонимание реальной ситуации в нашей стране, подавляющее большинство населения которой жило совершенно иными заботами. Большинство из них не смогли интегрироваться в русско-советский менталитет, а если это происходило, то весьма болезненно.

Другое отличие работников ИККИ – секретный характер деятельности, сближавший их с разведчиками. Коминтерновцы наслаждались этим ореолом (привилегии, бесконтрольность расходующих средств), до тех пор, пока он не начал работать против них самих. Из Коминтерна, как и из государственных спецслужб, нельзя было уйти добровольно, заявив о смене убеждений и т.п. Человек как будто покидал обычный мир, давая согласие работать в этой организации. Зачастую он получал новое имя, а порой его именем пользовались резиденты советской разведки [1].

На общем фоне материальной нужды в столице СССР иностранные коммунисты, занимаясь интеллектуальной работой, жили в достатке. Большинство из них имели среднее и высшее образование, владели тремя и более иностранными языками. Дополнительным заработком для коминтерновцев было написание статей в прессе Коминтерна, в журнале «Иностранная литература», переводческая и редакторская деятельность, а также преподавательская деятельность в КУТВ и других учебных заведениях.

Иллюзии, привезенные из-за границы о строительстве идеальной страны социализма и советской реальностью, постепенно исчезали и приводили иностранных коммунистов к психологическим срывам. В

основе этих срывов лежали не социально-бытовые, а политические факторы. В годы нэпа правящая партия в СССР провозгласила культ «наших за границей», который подразумевал «радостные встречи с зарубежными братьями по классу, покровительственное отношение к ним, бедным и несчастным, живущим еще при капитализме» [1]. Это являлось составной частью идеологии партийной диктатуры, и на ее поддержание тратились немалые силы и средства.

После утверждения сталинского единовластия этот культ сменился на свою противоположность. Начался поиск «чужих в нашей стране» - шпионов, диверсантов, вредителей. Все, что имело хоть какое-то отношение к загранице, воспринималось тоталитарным государством как враждебное.

Отныне, прибыв в СССР, иностранный коммунист был обязан отречься от старой родины, и личных привязанностей. Теперь его родиной навсегда становился Советский Союз, а его партией – ВКП(б).

Важную роль в том, какая национальность больше, а какая меньше пострадала в годы террора, играло наличие ее диаспоры в СССР. Чем больше она была, тем больше появлялось подозрений в ее засоренности шпионами, независимо от состояния дипломатических отношений СССР с той или иной страной [10].

Изучение архивных материалов позволило выявить масштабы этих потерь, сведения эти разнятся. Согласно «Сводке первого специального отдела НКВД о количестве арестованных и осужденных за время с 1 октября 1936 года по 1 июля 1938 года» [3], по национальному составу арестованные 1 420 711 человек представляли 28 национальностей, из которых 46, 3% – русские. Корейцев значилось в этой категории 5161 человек.

По нашим данным с 1920 по 1953 гг. в числе арестованных были 6385 человек корейской национальности, из них за три года, с 1936 по 1938 гг. репрессиям подверглись 4418 корейцев. По данным других источников,

с 1926 по 1939 гг. было репрессировано 2640 корейцев (только в 1932 г. арестовано 1275) [7]. Из стенограммы допроса Г.С. Люшкова японцами известно, что накануне депортации корейского населения в сентябре 1937 г., было арестовано 2, 5 тыс. корейцев. Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что исследуемая проблема находится на стадии разработки. Все означенные цифры необходимо подтвердить поименно, потому что за ними стоят люди, погибшие, не зная за что, не совершавшие преступления против государства.

Иностранные коммунисты, в том числе и корейцы, в Советском Союзе в годы террора в дополнение к общей атмосфере страха и подозрительности испытывали на себе еще и дополнительное психологическое давление. Оно включало в себя, во-первых, крушение мифов о «рае для рабочих», торжестве подлинной демократии. Во-вторых, насаждалась неприязнь ко всему иностранному как часть насаждавшейся сверху ксенофобии. Наконец, депрессивным фактором являлась потеря связей с родиной и близкими людьми своей национальности, сведение к минимуму внеслужебных контактов с советскими гражданами, ибо каждый из них мог быть изобличен на следующий день как враг народа.

Список литературы:

1. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009.
2. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918 – 1941 гг. М., 2007.
3. *Данилов В.П.* Сталинизм и советское общество // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2003.
4. Колониальная Корея / Российское корееведение в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 2007.
5. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1937. Кн. 1 – 12. М., 2000 – 2010.

6. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
7. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 – 1953). М., 2006.
8. Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921 – 1931 годы. 2 кн. М., 2007.
9. Норильская биография // Заполярная правда. 1 июля 1958.
10. *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937 – 1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.
11. *Пак Б.Д.* СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918 – 1925 гг. Очерки, документы, материалы. – М.: ИВ РАН, 2006;
12. *Пак Б.Д.* Борьба российских корейцев за независимость Кореи. 1905 – 1919. М.: ИВ РАН, 2009.
13. Рассказ о Киме // Заполярная правда. 5 августа 1983.
14. Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. Сб. док. М., 2001.
15. Сталинские списки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> Дата: 04.06.2009.
16. Тихоокеанская звезда. 1929, 6 февраля.
17. Заполярная правда. 1958, 1 июля.
18. *Яковлев А.Н.* Сумерки. М., 2003.
19. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 98, д. 6060 – 6082.
20. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 228, д. 558, л. 2 – 8об.
21. Архив издательства иностранных рабочих в СССР («Прогресс»). Дело Ли Вон Сю.
22. Архив ФСБ Ставропольского края. Арх. дело № 26517.

Сведения об авторе: Сон Жанна Григорьевна

- кандидат исторических наук;
- Общероссийское объединение корейцев;
- советник Общероссийского объединения корейцев, учитель корейского языка ГОУ гимназии 1257, г. Москва;
- 129337, Москва, Ярославское шоссе, 2 – 1 – 16;
- тел.: +7 - 916 263 94 78, +7 – 499 188 88 61;
- история советских (российских) корейцев (1920 – 1930) ;
- Корейская составляющая в политике Коминтерна и внешней политике Союза ССР (1920 – 1930) ;
- jannason@mail.ru; Janna_song@hotmail.com

Summary: Zhanna G. Son. The Korean component of the policy of the Comintern and foreign policy of the USSR in 1920 - 1930.

Since the 1920's extensive international activity Comintern often complicates the situation of the foreign policy of the USSR in its relations with the main opponents of Britain, Japan and other countries. At the end of the 1920, these contradictions were reflected in the Comintern, in relation to them were used repression, with the totalitarian regime of Stalin did not make a distinction by nationality, in rank and position. The example of the Korean communists appear to be contradictory and lack of coordination between the Comintern from the Foreign Affairs of the USSR. Foreign Communists, including the Koreans, the Soviet Union in the years of terror in addition to the general atmosphere of fear and suspicion have been subject to more and psychological pressure. It includes, firstly, the collapse of the myths about the "workers paradise", the triumph of true democracy. Secondly, the implosion of hostility to things foreign, implanted as part of the top xenophobia. Finally, the depressive factor was the loss of ties with their homeland and loved ones of their own nationality, to minimize the out of office contacts with Soviet citizens, for every one of them could be unmasked for the next day as an enemy of the people.

Аннотация: Жанна Г. Сон. Корейская составляющая в политике Коминтерна и внешней политике Союза ССР в 1920 – 1930-е годы. К концу 1920-х годов активная международная деятельность Коминтерна зачастую осложняла внешнеполитическую ситуацию Союза ССР в отношениях с главными противниками Англией, Японией и другими государствами. Эти противоречия отражались на судьбах коминтерновцев, по отношению к ним стали применяться репрессии, при этом режимом И. Сталина не делались различия по национальности, по званиям и должностям. На примере деятельности корейских коммунистов показана противоречивость и несогласованность действий Коминтерна с Наркоматом иностранных дел СССР.

Ключевые слова: советские корейцы, Коминтерн, Наркомат иностранных дел СССР, политические репрессии.